

Берта Давыдовна Порозовская

**Александр Меншиков. Его
жизнь и государственная
деятельность**

**Берта Давыдовна Порозовская
Александр Меншиков. Его
жизнь и государственная
деятельность**

**Серия «Жизнь замечательных
людей (ЖЗЛ от Павленкова)»**

*предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175663*

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Предисловие	6
Глава I	11
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Б. Д. Порозовская
Александр Меншиков
Его жизнь и
государственная
деятельность
Биографический очерк
С портретом Меншикова,
гравированным в
Лейпциге Геданом

Предисловие

*...Счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин...*

Пушкин

Из всех фаворитов и временщиков, которыми так изобилует у нас XVIII век, из всех “баловней счастья”, поражающих воображение необычайностью своих судеб, самым замечательным, самым блестящим и популярным является, бесспорно, знаменитый любимец и сподвижник Петра Великого – Александр Данилович Меншиков. Это, можно сказать, прототип всех последующих русских временщиков. Остерманы, Бироны, Разумовские, Потемкины – все эти “случайные” люди, более или менее продолжительное время хозяйничавшие в России, по сравнению с ним кажутся только копиями, далеко не достигающими блеска оригинала. Никто из них не обладал таким могуществом, никто не поднимался на такую головокружительную высоту и... ничье падение не было так глубоко и трагично.

Биография Меншикова в ее крупных, наиболее эффектных деталях более или менее общеизвестна. В самом деле, кому из людей, хоть сколько-нибудь знакомых с отечественной историей, при воспоминании о великой эпохе преобразований, рядом с фигурой самого Преобразователя не пред-

ставляется фигура его друга и сподвижника, любимейшего из его “птенцов”; кому хоть в главных чертах не известна замечательная, полная самых резких превратностей судьба этого человека – его низкое происхождение и необыкновенно быстрое возвышение, его беспримерное могущество, безграничное честолюбие, злоупотребления властью и страшное неожиданное падение? Из всех анекдотически интересных эпизодов истории, попадающих даже в элементарные учебники, и именно благодаря этой анекдотичности запечатлевающих в памяти, история мальчика-пирожника, ставшего “полудержавным властелином”, особенно популярна и известна чуть ли не всякому грамотному человеку.

Но Меншиков замечателен не только по романическому характеру своей судьбы. Это не только интересная в психологическом отношении личность – в его лице мы имеем дело с крупным историческим деятелем, имя которого в продолжение целой четверти столетия мелькает перед нами на большинстве страниц отечественной истории. Один из главных сотрудников Петра, более всех других усвоивший его преобразовательные идеи, “полудержавный властелин” еще при жизни великого государя, он становится почти полно-властным правителем после его смерти. Екатерина I, обязанная ему тронem, является послушным орудием в его руках, в малолетство Петра II Меншиков, будущий тесть императора, распоряжается еще более бесконтрольно, хотя и короткое время. Хорошо ли, дурно ли он пользовался своей вла-

стью – это особый вопрос. Факт тот, что после смерти Петра Великого дальнейшая участь его реформ, дальнейшее развитие того, что было начато или только намечено гениальным Преобразователем, всецело зависели от способностей и энергии тех, к кому перешла власть, а следовательно, на первом плане, от А. Д. Меншикова. И *этот* Меншиков – Меншиков, главный исполнитель замыслов Петра при его жизни и его фактический преемник, без сомнения заслуживает нашего внимания в гораздо большей степени, чем тот временщик, неслыханно блестящая карьера которого завершилась так печально в отдаленном уголке Сибири.

К сожалению, несмотря на популярность Меншикова, именно эта сторона его биографии наименее разработана. В общем, жизнь любимца Петра Великого несравненно чаще служила предметом поэтически-литературной обработки, чем серьезного исторического исследования. Оно и неудивительно. Необыкновенные превратности судьбы этого деятеля сами по себе так интересны, так способны действовать на воображение и чувство, что историческая роль его как-то нечувствительно отступает перед нами на задний план, и ярко очерченная историческая фигура переходит в разряд тех героев, которые особенно охотно утилизируются поставщиками сенсационных романов или назидательных повестей в духе ходячей прописной морали.

Такого именно, за немногими исключениями, характера вся литература о Меншикове. Романов, повестей, драм

– прибавим, очень посредственных – мы можем насчитать массу как у нас, так и, главным образом, в западноевропейской литературе. Но более или менее полной научно обработанной монографии, посвященной Меншикову, у нас нет еще по настоящее время. Несколько страниц, посвященных ему в общих трудах Соловьева, Устрялова и Брикнера, да несколько журнальных статей, касающихся отдельных моментов его деятельности – вот и вся наша историческая литература о Меншикове. Такие биографии, какие мы находим в “Жизнеописаниях русских генералов” Бантыш-Каменского, в настоящее время являются совершенно устарелыми. То же можно сказать о краткой, совершенно бесцветной биографии Меншикова, помещенной в “Истории России в жизнеописаниях ее деятелей” Костомарова. Единственная работа, заслуживающая серьезного внимания – “Жизнеописание А. Д. Меншикова” Есипова, представляющая к тому же не столько литературно обработанную биографию, сколько собрание разных, по большей части еще неизданных материалов для этой биографии, осталась, к сожалению, неоконченной и доведена только до 1710 года. Несмотря на обилие источников, относящихся к Петровской эпохе, многие моменты и даже периоды в жизни человека, привлекавшего всеобщее внимание современников, остаются до сих пор невыясненными. Меншиков еще ждет своего биографа, которому предстоит далеко не легкая задача – окончательно разобраться в огромной куче архивного материала, прове-

ритель многочисленные, подчас совершенно противоречивые иностранные источники и на основании добытых результатов всесторонне осветить как личность этого деятеля, так и его роль в великой эпохе преобразований.

В ожидании же такого капитального труда все, к чему мы можем стремиться в пределах нашего краткого очерка, составленного на основании одних только печатных материалов – это представить хоть в общих чертах картину жизни и деятельности этой высокоинтересной личности. При этом мы будем по возможности держаться одних только признанных бесспорными фактов, так как популярный характер очерка не позволяет загромождать его ссылками и критическим разбором источников.

Глава I

Вопрос о происхождении Меншикова. – Мальчик-пирожник. – Любимый денщик Петра Великого. – Поездка за границу. – Образование Меншикова. – Фаворит Алесашка и его первые шаги. – Его влияние на царя. – “Дитя сердца” Петра Великого

Уже с первых шагов при составлении биографии Меншикова мы наталкиваемся на серьезные и, по всей вероятности, даже непреодолимые трудности. Обычный прием биографов – проследить жизнь изображаемого лица чуть не с момента его рождения, искать объяснения уже сложившегося характера в условиях его воспитания, во влиянии наследственности и т. п. – оказывается в данном случае совершенно неприменимым. Дело в том, что у нас не только не имеется достоверных известий о родителях Меншикова, о годе и месте его рождения, но и все детство и юность человека, имя которого впоследствии гремело даже на Западе, время его появления при дворе, обстоятельства, при которых он сблизился с Петром, – все это представляет пока ряд страниц либо совсем белых, либо же испещренных такой массой легендарных подробностей, что разобраться в них с полной ясностью нет никакой возможности.

В самом деле, кто такой был Меншиков? Действительно ли знаменитый фаворит Петра Великого был тем “безрод-

ным баловнем счастья”, каким он изображается во всех биографиях? Действительно ли человек, достигший звания первого министра и генералиссимуса, одно время полновластно управлявший Россией и даже чуть не основавший собственную династию, был такого низкого происхождения, что в молодости должен был продавать на улицах пирожки, как рассказывают многие современники?

Как ни легендарно звучат подобные рассказы, но в сущности из всего, что касается начала жизненного поприща Меншикова, только вопрос о его происхождении может считаться в настоящее время более или менее выясненным. Не подлежит никакому сомнению, что первый “светлейший князь” действительно происходил из простолюдинов, и можно даже вполне согласиться с мнением Соловьева, который и само предание о мальчике-пирожнике считает заслуживающим полного доверия. Мы позволим себе несколько подробнее остановиться на этом вопросе, так как решение его в том или другом смысле, помимо его чисто внешнего интереса, представляется нам довольно важным в психологическом отношении. Нет сомнения, что самые крупные пороки временщика – его безграничное честолюбие и надменность, нажившие ему столько врагов, его ненасытная страсть к титулам и богатствам – в значительной степени объясняются его происхождением, свойственным всем выскочкам стыдом за свое прошлое, желанием пускать пыль в глаза, дабы во что бы то ни стало заставить окружающих забыть это прошлое.

Не говоря о бесчисленных баснях, распространявшихся на Западе еще при жизни князя разными, большею частью анонимными биографами, существуют два параллельных предания относительно его происхождения: одно – более распространенное, по которому будущий фаворит был сыном придворного конюха и мальчиком продавал на улицах пирожки; другое выводит его из знатной литовской фамилии. Последнее, по-видимому, находит себе полное подтверждение в дипломе императора Иосифа I от 1706 года, возводящем Меншикова в княжеское Римской империи достоинство, и в русском дипломе 1707 года, которым Петр дарует своему любимцу титул “светлейшего” князя Ингерманландского. Собственного говоря, эти два официальных документа должны были бы служить достаточным доказательством благородного происхождения Меншикова и заставить отнести все рассказы о придворном конюхе-отце “светлейшего” князя и о мальчике-пирожнике к области легенд. На деле, однако же, ни при жизни князя, ни впоследствии никто не придавал значения этим официальным удостоверениям, и во всех почти записках иностранцев, побывавших на русской службе, как и в донесениях послов, писавших, конечно, со слов окружавших их русских, мы встречаем, с небольшими лишь вариантами, известие о том, что всемогущий фаворит происходил из низших слоев общества. Что же касается пресловутого анекдота о пирожках, то его, правда, повторяют немногие, но зато он подтверждается свидетель-

ством царского токаря Нартова, проведеншего при особе Петра целых 12 лет и впоследствии назначенного членом Академии наук. Нартов именно рассказывает в качестве очевидца, что однажды царь, рассердившись на своего любимца, сказал ему: “Знаешь ли ты, что я разом поворочу тебя в прежнее состояние? Тотчас же возьми кузов свой с пирогами, скитайся по лагерю и по улицам и кричи: “Пироги подовые!”, – как дельвал прежде. Вон!” И вытолкал его из комнаты. Меншиков обратился к обычной своей заступнице Екатерине, и пока та, зная нрав своего супруга, старалась развеселить его, князь, чтобы доказать свое повиновение, подхватил на улице у пирожника кузов с пирогами, повесил на себя и в таком виде вернулся во дворец. Петр, между тем, успел уже успокоиться; при виде своего любимца он расхохотался и сказал: “Слушай, Александр, перестань бездельничать или хуже будешь пирожника”. Последовало примирение. Потом Меншиков пошел за императрицей и кричал: “Пироги подовые!” А государь вслед ему смеялся и говорил: “Помни, Александр!” – “Помню, Ваше Величество, и не забуду! Пироги подовые!”

По-видимому, между этим рассказом очевидца и официальными документами существует непримиримое противоречие. Но в сущности, как справедливо замечает Соловьев, это противоречие только кажущееся. Дело в том, что при сличении обоих дипломов мы замечаем между ними некоторое разногласие: по латинскому диплому императора Иоси-

фа отец Меншикова был начальником гвардейского полка; в русском же упоминается лишь то, что отец служил в гвардии царя, причем один из служилых иноземцев, генерал Гордон, источник, вполне заслуживающий доверия, поясняет нам даже, в каком именно чине: по его словам, отец Меншикова был простым капралом. Без сомнения, диплом, выданный царем своему любимцу, заслуживает большего доверия, чем иностранный, и если в нем ничего не говорится о высоком звании отца новоиспеченного князя, то последнее, очевидно, следует приписать лишь любезности венского двора, желавшего задобрить влиятельного человека. Таким образом, из всех свидетельств, благоприятных Меншикову, приходится считаться лишь с русским дипломом, по которому отец князя был “из фамилии благородной литовской и, ради верных его услуг в гвардии, сын его был принят ко двору”. А этот источник, как мы уже сказали, ничуть не противоречит общераспространенному преданию о низком происхождении Меншикова, о том, что отец его был одно время придворным конюхом. Известно, какое значение получили при Петре придворные конюхи; из них преимущественно сформировались потешные полки – Семеновский и Преображенский, впоследствии составившие первые два гвардейских полка в России. Вполне естественно, что бывший придворный конюх, попав в гвардию, дослужился до капрала. Что же касается его принадлежности к “благородной литовской фамилии”, то и тут нет ничего несовместимого с по-

пулярным преданием. Со времени царя Алексея в Москве жило много выходцев из Литвы, принужденных бежать с родины вследствие гонений на православие. Одни из них поступали на службу при дворце, другие занимались мелкими промыслами. Известно, что в эпоху революции многие, даже знатнейшие французские эмигранты должны были зарабатывать себе хлеб каким-нибудь ремеслом. Что ж мудреного, что какой-нибудь выходец из мелкой литовской шляхты, представители которой в настоящее время встречаются и на самых низших общественных ступенях, поступил в придворные конюхи, а сына отдал в учение к пирожнику. К тому же в то время почти все мелкие служилые люди занимались какими-нибудь промыслами.

Впрочем, этими известиями и соображениями и исчерпывается все, что мы можем с некоторой достоверностью сказать о происхождении Меншикова. О годе и месте его рождения также не имеется точных данных. По одним известиям, он родился близ Владимира, по другим – в Вологодской губернии, по третьим – в Московской. Год его рождения обыкновенно определяют по дневнику голштинского камер-юнкера Берхгольца, сообщающего, что 6 ноября 1723 года праздновали день рождения князя, которому исполнилось 50 лет. Следовательно, Меншиков родился в 1673 году и был на полтора года моложе Петра. Имеются, однако, другие данные, относящие его рождение к другому году. Голиков, например, утверждает, что Меншиков был старше Петра на

2 года, следовательно, родился в 1670 году.

О первом появлении будущего фаворита при дворе опять-таки не известно ничего достоверного. В грамоте 1707 года говорится, что Меншиков взят к Петру “с юных лет”, но когда именно и при каких обстоятельствах – об этом сохранились одни лишь предания. Некоторые иностранцы рассказывают, что он перешел к царю от Лефорта. Красивый бойкий мальчуган, обыкновенно предлагавший свой товар с какими-нибудь остроумными прибаутками и шутками, обратил на себя внимание Лефорта, который и взял его к себе в услужение. Петру, часто бывавшему запросто у своего тогдашнего любимца, также понравился проворный мальчик, и так как Лефорт не мог нахвалиться его смышленостью и преданностью, то царь пожелал взять его к себе¹. Все это если не верно, то по крайней мере правдоподобно. Положительно же известно только то, что Меншиков служил в Преображенском полку при самом его учреждении, а следовательно, в потешных (впервые имя молодого фаворита упоминается в списках этого полка в 1693 году, причем он числится бомбардиром), и что он в то же время в течение нескольких лет исполнял при Петре должность денщика.

В этой-то должности смышленный и ловкий юноша имел все шансы сблизиться с молодым царем. Денщики были самые близкие к Петру люди, исполнявшие самые разнообразные поручения его. Они попеременно дневали и ночевали

¹ По Голикову, это случилось в 1689 году

при нем, и Петр, при своей ненасытной любознательности и кипучем нраве, заставлявшем его безотлагательно приводить в исполнение всякую приходившую ему в голову затею, имел полную возможность узнавать на деле способности окружающих его молодых людей, их понятливость и пригодность к тому или другому роду деятельности. Денщики во все царствование Петра играют большую роль при дворе: из них вышли, между прочим, и такие “птенцы гнезда Петрова”, как знаменитое “око государево”, генерал-прокурор сената Ягужинский, первый полицмейстер Петербурга Девьер и др. Что же касается Меншикова, то он, по-видимому, очень скоро стал пользоваться особым расположением царя, все более возрастающим по мере того, как Петр убеждался на деле в его разносторонних способностях. Остроумный, находчивый и расторопный, при каждом случае выказывавший свою беспредельную преданность государю и редкую способность угадывать его волю с полуслова, Меншиков мало-помалу успел так сильно привязать к себе Петра, что тот совершенно не мог обходиться без него. Любимый денщик должен был находиться при царе безотлучно и даже спал у его кровати. В Азовском походе Петр и Меншиков жили вместе в одной палатке. Когда в 1697 году Петр затеял небывалую в русской истории поездку царя за границу, его сопровождал и Меншиков. Вместе с царем последний обучался в Голландии корабельному мастерству, в котором показал большие успехи, и в один и тот же день корабельный

мастер Геррин-Клас-Поль выдал обоим аттестаты на звание плотника. Из Голландии Меншиков ездил с Петром в Англию, оттуда опять в Голландию и Вену. Он был и в числе тех семи волонтеров, которые должны были сопровождать царя в Венецию; на его имя даже взят был у венецианского посла проезжий лист. Но весть о возмущении стрельцов расстроила этот план, и Петр с Меншиковым поспешили вернуться.

Каковы были плоды этой поездки, как подействовало на Меншикова все виденное и слышанное в новом, столь чуждом ему мире, что вынес он оттуда по части своего умственного обогащения, помимо знакомства с корабельным делом? Все это вопросы, на которые мы не можем дать прямого ответа. Относительно образования будущего министра и фельдмаршала мы знаем достоверно только одно – что Меншиков, если и не был совершенно безграмотен, как утверждают многие, то во всяком случае не умел писать. Сохранились две расписки, от 1702 и 1704 годов, о получении им жалованья по званию корабельного мастера; в одной его рукой сделана надпись: “Александр Меншиков принял”, в другой – “Взял и списался”. Но за исключением этих двух документов, в бумагах Меншикова не сохранилось ни одной строчки, написанной его рукой; во всех его письмах, даже самых секретных, только подпись принадлежит ему, да и та нацарапана такими каракулями, что только посвященный в состоянии разобрать ее. Из иностранных языков Меншиков знал один немецкий, которому научился, конечно, по слуху и, по всей

вероятности, еще до поездки, в Немецкой слободе. “В великом муже и полководце, каким он почитается, – иронически замечает по этому поводу датский посланник Юст Юль, познакомившийся с Меншиковым в 1710 году и отзывающийся довольно пренебрежительно о способностях всемогущего тогда князя, – такая безграмотность особенно удивительна”.

Совершенно понятно, что образованный европеец был на первых порах поражен подобным отсутствием самого элементарного образования у первого сановника в государстве и особенно его влиянием на человека, в такой степени ценившего образование, как Петр. Но для нас сам факт этого влияния, не подлежащий никакому сомнению, служит лучшим доказательством того, как высоко ценил царь природные дарования Меншикова, его энергию, находчивость и безусловную преданность.

Впрочем, недостаток даже элементарного образования не исключал еще для Меншикова возможности расширить свой кругозор, приобрести многие необходимые ему знания и вообще развиваться путем практическим. Ведь и сам Петр не получил в юности сколько-нибудь удовлетворительного образования, и если впоследствии он изумлял даже образованных европейцев обширностью и разносторонностью своих сведений, то это следует всецело приписать его страстной любознательности, его чуткому, необыкновенно восприимчивому уму, черпавшему для себя пищу отовсюду, учившемуся от жизни еще более, чем из книг. Такую же восприим-

чивость, хотя и в более слабой степени, надо предположить и у Меншикова. Любимец царя, его неразлучный спутник и товарищ как в разгуле, так и в трудах, Меншиков учился и развивался наравне со своим царственным другом, проходил, под его руководством, одну с ним школу. Попав к нему с улицы, поглощенный трудной службой требовательному и нетерпеливому господину, при котором должен был находиться безотлучно, Меншиков не имел возможности подготовиться к своей будущей роли путем теоретическим. Но именно эта постоянная близость к Петру, бравшему его с собою и в мастерские, и в музеи, и на придворные празднества, устраивавшиеся в честь знатного путешественника за границей, необходимость приглядываться и прислушиваться ко всему окружающему и уяснить себе все виденное и слышанное, хотя бы только для того, чтобы угодить царю, чтобы быть в состоянии понимать и даже предугадывать его желания – все это не могло не отразиться на развитии богато одаренного от природы молодого человека, и можно *a priori*²

² заранее (*лат.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.